

Феокрит

Стихотворения Феокрита

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ф42

Ф42 **Феокрит**
Стихотворения Феокрита / Феокрит – М.: Книга по Требованию, 2023. – 121 с.

ISBN 978-5-521-28041-4

ISBN 978-5-521-28041-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

судить,—такъ усовершенствовалъ готовый узоръ, что копія выходила лучше и талантливѣй оригинала; а въ своихъ лучшихъ буколическихъ идилліяхъ онъ имѣлъ только одного руководителя—народную поэзію и одинъ образецъ—природу.

Но всякій поэтъ переживаетъ періодъ подражательности. Теокрытъ, конечно, не избѣгнулъ этой общей всѣмъ участи и въ молодости, отдавая дань своему вѣку, пробовалъ идти вслѣдъ за Гомеромъ въ своихъ гимнахъ (Діоскуры, Вакханки) и въ эпическихъ отрывкахъ о Гераклѣ. Послѣдніе лучше первыхъ, непріятно дѣйствующихъ на читателя своимъ нравственнымъ и религіознымъ индифференцизмомъ. Но и здѣсь попадаются мѣста, гдѣ уже чувствуется смѣлый размахъ кисти будущаго великаго мастера поэзіи. Такова, напримѣръ, исполненная живости и движенія драматическая сценка между Амикомъ и Полидевомъ въ Діоскурахъ. Эти юношескія произведенія — лучший доводъ противъ тѣхъ, кто хочетъ видѣть въ Теокрытѣ только подражателя. Даже въ самую раннюю пору сѣвось заимствованныя формы прорываются черты своеобразнаго дарованія, и легко прослѣдить ихъ постепенный ростъ до того момента, когда онѣ наконецъ вылились вполне въ пастушескихъ идилліяхъ. Слабою струйкой сказывается своеобразность творчества Теокрита уже въ описаніи источника въ „Діоскурахъ“; въ „Гераклѣ побѣдителя льва“ красокъ будущей буколической поэзіи еще больше, онѣ богаче и ярче, а идиллія о Гилѣ уже вся благоухаетъ цвѣтами пастушьей поэзіи. Послѣ нея Теокрыту оставалось только попробовать свои силы въ лирическомъ родѣ (ид. XII, написанная на іоническомъ діалектѣ, и ид. XXIX и XXX на эолическомъ), чтобы затѣмъ, испытавъ свои силы во всѣхъ родахъ поэзіи, выступить самостоятельнымъ художникомъ въ своихъ буколическихъ идилліяхъ, которыя, какъ извѣстно, нерѣдко представляютъ въ себѣ сочетаніе драматическаго діалога съ эпическимъ разказомъ и лирической пѣснью.

Пастушескихъ идиллій, на которыхъ зиждилась главнымъ образомъ слава Теокрита, всего только десять (первыя 11 пьесъ за исключеніемъ второй). Имъ-то собственно и принадлежитъ названіе идиллій. Съ легкой руки ш-ше Дезульеръ, съ этимъ названіемъ обыкновенно соединяется представленіе объ аркадскихъ пастухахъ и пастушкахъ, сентиментально воркующихъ на тему любви. Но идиллія, какою встрѣчаемъ ее у Теокрита,—это небольшая картинка, жанровая сценка, въ которую можетъ быть вложено самое разнообразное содержаніе. Теокрытъ иногда изображаетъ жизнь вовсе не идиллическую (ид.

„Косцы“ или „Рыбаки“) и иной разъ даже бываетъ настроенъ довольно пессимистически. Словомъ, та модная форма эскиза, которая теперь такъ усердно культивируется нашими и иностранными беллетристами, въ сущности—ничто иное, какъ старинная идиллія. Но не столько формѣ, сколько новизнѣ содержанія обязанъ Теокрытъ своимъ успѣхомъ среди современниковъ. Хотя идилліи его и писаны, какъ думаютъ, въ Александріи, но ихъ навѣяла ему Сицилія съ ея роскошною природою, съ ея зеленѣющими пастбищами и живописными горами, съ ея своеобразною простотою сельскихъ нравовъ и грустными, мелодическими пѣснями. Задумавъ воспѣть свою родину и изобразить нравы ея обитателей, поэтъ отбросилъ всѣ литературные образцы и списывалъ прямо съ дѣйствительности. Его пастухи—не тѣни и не измышленія самого поэта, это—живые люди и каждый со своею особою индивидуальною фізіономіей. Они не воркуютъ, какъ позднѣйшіе „аркадскіе пастушки“, но живутъ, спорятъ, состязаются въ пѣсняхъ, влюбляются, ссорятся и бранятся. Ища только правды, поэтъ иногда рискуетъ даже впасть въ простонародность. Но сгладь онъ грубость и наивный цинизмъ поступковъ и рѣчей своихъ героевъ, изображеніе сицилійскихъ пастуховъ не было бы правдивымъ. Для утомленныхъ городскою жизнію александрійцевъ, можетъ быть, наибольшую прелесть во всемъ Теокрытѣ представляло именно та здорвая свѣжесть, которую вѣяло отъ этихъ грубыхъ, но наивныхъ и простыхъ нравовъ нетронутого цивилизаціей народа, изображенныхъ къ тому-же съ необыкновенною объективною и большимъ художественнымъ чутьемъ. Близкое знакомство съ народною поэзіей не могло не отозваться самымъ выгоднымъ образомъ въ простотѣ, наивности, чистосердечіи Теокрытовскаго творчества. Его поэзія чиста и прозрачна, какъ самый чистый горный родникъ. Нѣкоторые пѣсни до того просты и вмѣстѣ своеобразны, что иные изслѣдователи думаютъ видѣть въ нихъ плоды народнаго творчества, только оправленные поэтомъ въ стройную форму гексаметра. Самый гексаметръ у Теокрита приближается къ народному складу стиха, благодаря особой буколической цезурѣ передъ пятою стопой. Богатство необыкновенно мѣткихъ и новыхъ эпитетовъ и совершенно своеобразныхъ сравненій, взятыхъ изъ пастушескаго и сельскаго обихода, довершали очарованіе, и десяти коротенькихъ жанровыхъ сценокъ было довольно, чтобы отвоевать Теокрыту громкую славу. Своими буколическими идилліями онъ сказалъ міру новое слово и внесъ навсегда свое имя въ исторію всемірной поэзіи.

До Теокрита греческая поэзія относилась равнодушно къ природѣ, она мало знала и мало любила ее. Воспроизводя бытъ сицилійскихъ пастуховъ, въ которомъ такую большую роль играла природа Сициліи, Теокрытъ первый отвелъ ей подобающее мѣсто. Его идилліи пересыпаны ландшафтами, и если мало было древнихъ поэтовъ, которые могли-бы сравниться съ нимъ по живописности его картинъ природы, то еще менѣе—по вѣрному чувству красотъ ея. Теокрытъ не только любитель, но и тонкій знатокъ природы, и кто прочтетъ хотя-бы въ „Осеннемъ праздникѣ“ удивительное описаніе поздняго лѣта, тотъ согласится, что оно благоухаетъ поэзіей. На жителей Александріи, города, бывшаго средоточіемъ холодной и сухой учености и расположеннаго вблизи выжженныхъ и знойныхъ пустынь Африки, отъ идиллій Теокрита точно повѣяло свѣжимъ вѣтеркомъ благодатной Сициліи, душистымъ запахомъ пиній и ароматомъ скошенныхъ луговъ. Благодаря Теокриту александрійцы открыли въ своей душѣ новый неизсякаемый источникъ наслажденія—природой; и этою послѣднею стороною своей поэзіи Теокрытъ столько-же близокъ намъ, сколько и своимъ современникамъ. Но еще понятнѣе, еще ближе современному читателю то общечеловѣческое содержаніе, которое вкладывалъ поэтъ въ рамки своихъ жанровыхъ картинокъ. Основной мотивъ его пѣсенъ—чувство нераздѣленной, томящейся любви. Поэтъ неудовлетворенныхъ стремленій, Теокрытъ—настоящій романтикъ древности, и свѣтъ его поэзіи можно сравнить съ меланхолическимъ и трепетнымъ сіяніемъ вечерней звѣзды, всегда грустнымъ и всегда притягательнымъ. Подернутая легкою элегическою дымкой эта поэзія задѣваетъ самыя интимныя стороны человѣческаго сердца. И не даромъ великій знатокъ всего, что касалось любви, Расинъ сказалъ, что онъ ни въ одной литературѣ не знаетъ такого удивительнаго изображенія томленія страсти, какъ въ идилліи „Чародѣйки“. Теокрытъ затрогиваетъ всѣ аккорды человѣческой страсти, начиная отъ слабыхъ и дрожащихъ пѣснопѣній и кончая тѣмъ страшнымъ наплывомъ пожирающаго душу чувства, который ведетъ къ трагической развязкѣ. Свои лирическія пѣсни поэтъ излагаетъ не отъ себя, но вкладываетъ ихъ въ уста своихъ героевъ, изъ которыхъ каждый представляетъ законченный и мастерски очерченный образъ, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Полифемъ, по своему значенію могли бы послужить предметомъ особаго литературнаго этюда. Но какъ ни разнообразны выведенныя поэтомъ лица, они всѣ, начиная съ героя пастушескихъ пѣсенъ, Дафниса, такъ-же близки и знакомы намъ, какъ

знакома любовь. Въ этомъ по крайней мѣрѣ столько-же, сколько въ своеобразности буколической поэзіи, заключается, по нашему мнѣнію, вся разгадка необыкновенной популярности Теокрытовой поэзіи. Ни одинъ греческій поэтъ, за исключеніемъ Гомера, не читался такъ много, какъ Теокрытъ. Любимѣйшій поэтъ въ средніе вѣка, онъ до самаго послѣдняго времени находить себѣ множество и подражателей и переводчиковъ.

Русская литература, вообще небогатая переводами классическихъ произведеній, не оставляла однако безъ вниманія Теокрыта. Ему подражалъ Мерзляковъ (идилліи XII, X и XXI), его „Сиракузянокъ“ перевелъ Гнѣдичъ и, наконецъ, въ сравнительно недавнее время семь идиллій (въ сожальнію, изъ нихъ лишь одна буколическая) переведены были Меемъ. Высокохудожественные переводы послѣдняго составляютъ цѣнный вкладъ въ русскую литературу, и можно только пожалѣть, что покойный поэтъ безъ всякой надобности измѣнилъ размѣръ подлинника и иной разъ позволилъ себѣ вольныя отступленія (напримѣръ, въ „Рыбакахъ“ названіе луны — „небесной лампадой“, въ которой еще много масла“, не говоря уже о совершенномъ искаженіи текста, совсѣмъ несогласно съ духомъ греческой поэзіи). Настоящій переводъ сдѣланъ по сборному тексту и размѣромъ подлинника, за исключеніемъ шести небольшихъ эпиграммъ, которыхъ размѣры — не могутъ, по нашему мнѣнію, быть усвоены русскою рѣчью. Главною задачей переводчика было не отступать отъ подлинника и передавать текстъ, по возможности, буквально, сохраняя при этомъ ясность русской рѣчи и размѣренное теченіе стиха. Трудность задачи да послужить нѣкоторымъ оправданіемъ недостатковъ выполненія. Блескъ Теокрытовой поэзіи можетъ быть вполне переданъ только поэтомъ, равнымъ ему по таланту. Но причудливъ полетъ генія, и еслибы ждать его вдохновеній, намъ до сихъ поръ оставались-бы недоступными многія сокровища иностранной поэзіи. Какъ-бы то ни было, настоящій переводъ, представляя впервые все, что было написано Теокрытомъ, даетъ впервые-же возможность обстоятельно познакомиться съ поэтомъ, котораго недаромъ называютъ „однимъ изъ величайшихъ, недосягаемыхъ мастеровъ греческой поэзіи“.

I.

Өирсисъ или пѣсня ¹⁾.

Өирсисъ.

Сладостенъ шорохъ сосны той, что пѣснь у елючей тамъ лепечетъ,

Сладостно также и ты, о пастухъ, на свирѣли играешь.

Послѣ Пана вторая награда тебѣ подобаетъ.

Если возьметъ онъ козла-рогача, то козу ты получишь;

5. Если же онъ взять козу пожелаетъ, тебѣ будетъ въ долю
Козочка. Славно у козочки мясо, пока ее доишь.

Козій пастухъ.

Пѣсня твоя же, о пастырь, пріятнѣй, чѣмъ гулъ отъ потока,
Что съ высоты той скалы низвергается съ шумнымъ журчаньемъ.

Если овечку, въ награду избравъ, уведутъ съ собой музы,

10. Ты молодого ягненка получишь въ подарокъ; а если
Имъ взять ягненка угодно бы было,—овца твоя будетъ.

Өирсисъ.

О, ради нимфъ, не желаешь ли мнѣ ты сыграть на свирѣли,
Здѣсь, гдѣ мирики ²⁾, гдѣ холмъ нисходитъ въ долину. Усѣв-
шись,

Ты бы игралъ, а же тамъ вонъ пасти буду козъ моихъ стадо.

Козій пастухъ.

15. Нѣтъ, не возможно играть на свирѣли, никакъ не возможно
Въ полдень намъ, пастырь. Мы Пана боимся. Уставшій отъ ловли
Въ эту онъ пору свой отдыхъ вкушаетъ, а онъ вѣдь сердитый,

¹⁾ *Идиллія I.* Центръ этой идилліи въ пѣсни пастуха Өирсиса о смерти Даониса. Пѣсня эта вставлена въ оправу мимической сценки между двумя пастухами, Өирсисомъ и козымъ пастухомъ. Послѣдній вызываетъ Өирсиса къ пѣнію, обѣщая ему кубокъ, описаніе котораго составляетъ эпическій элементъ идилліи.

²⁾ Кустарникъ.

- И постоянно въ носу его гнѣвъ пребываетъ свирѣпый ¹⁾.
Ты же вотъ, Өирсисъ, о Дафниса бѣдственной долѣ поешь ты
20. И совершенства достигъ наивысшаго въ пѣснѣ пастушьею.
Сядемъ же здѣсь мы подѣ ильмомъ съ тобою, предѣ ликомъ
Пріапа ²⁾,
Противъ богинь ключевыхъ, гдѣ пастырямъ отдыха мѣсто,
Тутъ, гдѣ дубы разрослися, и, если споешь ты мнѣ такъ же,
Какъ ты когда-то пѣлъ, съ Хромисомъ спора, изъ Ливіи мужемъ,
25. Дамъ тебѣ трижды тогда я козу подоить съ близнецами, —
Двухъ она кормить агнятокъ и двѣ еще сверхъ даетъ банки, —
Дамъ тебѣ кубокъ глубокой, обмазанный воскомъ душистымъ,
Только что сдѣланъ, двѣ ручки имѣетъ, рѣзцомъ еще пахнетъ.
По ободку его плющъ, съ золотисткою смѣшанный, вѣтсѣя
30. Сверху, а ниже, красуясь плодами шафраннаго цвѣта,
Вѣтсѣя другая гирлянда изъ зелени плюща жъ ползучей;
А въ серединѣ ихъ женщина—трудъ превосходный безсмертныхъ.
Пеплосъ на ней, головная повязка, и возлѣ два мужа
Съ длинными чудными кудрами въ очередь другъ передъ дру-
гомъ
35. Спорять рѣчами, но рѣчи ея не касаются сердца:
То къ одному она взоръ обращаетъ съ улыбкою мужу,
То на другаго опять устремляетъ вниманье; у нихъ же
Вѣки распухли давно отъ любви, но стараются тщетно.
Изображень сверхъ того и старикъ рыболовъ и скалистый
40. Также утесъ, на который поспѣшно онъ неводъ огромный
Тащитъ для ловли, какъ мужъ, напрягающій силы въ работѣ.
Можно бъ сказать, что вся крѣпость ушла его въ рыбную ловлю:
Такъ на затылкѣ его налились и повздулися жилы,
И, хотя старъ онъ и сѣдъ, но крѣпостью юноши стоитъ.
45. Тутъ же чуть-чуть лишь поодаль отъ старца, уставшаго въ морѣ,
Красными кистями весь отягченный стоитъ виноградникъ.
Маленькій мальчикъ его стережетъ, на заборѣ изъ терна
Сидя. Съ боковъ у него двѣ лисицы; одна между грядокъ
Ходить, съѣдая поспѣвшія ягоды, къ сумкѣ другая

¹⁾ Древніе считали носъ мѣстопребываніемъ гнѣва.

²⁾ Пріапъ—сынъ Діониса и Аѳродиты. Его статуи украшали сады и виноградники. Полевое божество, онъ считался подателемъ плодородія. Главнымъ мѣстомъ его почитанія былъ Лампсакъ.

50. Крадется, хитрость тая, и всѣмъ видомъ своимъ общаетъ
Мальчика бросить не раньше, чѣмъ на мель голоднымъ посадить.
Онъ же кузнечикамъ диво-ловушку плететъ, закрѣпляя
Ситникомъ стебли асфодила ¹⁾, и столь же мало о сумкѣ
Думаетъ и о лозахъ, сколь много плетеніемъ занять.
55. Кубокъ кругомъ обвивается зеленью гибкой аканта.
Чудное, пестрое зрѣлище! Ты бѣ восхитился, взглянувши.
Я за него моряку калидонцу козу въ обмѣнъ отдалъ,
Да въ прибавленіе изъ молока еще сырникъ громадный,
И до сихъ поръ не касались его мои губы. Нетронуть
60. Кубокъ хранится и имъ угодить я бѣ тебѣ постарался,
Еслибы только, голубчикъ, мнѣ спѣлъ ты желанную пѣсню.
Я не шучу. Начинай-ка, дружище! Вѣдь не бережешь же
Пѣсню свою для Аида, гдѣ все—достоянье забвенья.

Өирсисъ.

- Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
65. Өирсисъ я, родомъ изъ Этны, вы Өирсиса слышите голосъ.
Гдѣ же вы были въ часъ Дафниса ²⁾ смерти, гдѣ были вы, нимфы?
Въ чудной долинтѣ ль Пеней рѣки или въ Пинда равнинѣ?
Не было васъ ни на мощномъ теченьи Анапа, ни близко
Акида ³⁾ влаги священной, ни на вершинѣ Этнійской.
70. Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
Волки по немъ завывали, по немъ горевали шакалы,
Изъ лѣсу левъ проливалъ по скончавшемся горькія слезы,
Кучей быки, распростершись у ногъ его, кучей коровы,
Кучей бычки молодые и телки, горя, мычали.

¹⁾ Растеніе, *asphodelus gemosus*.

²⁾ Дафнисъ, описаніе смерти котораго составляетъ содержаніе пѣсни Өирсиса, былъ сыномъ Гермеса и одной нимфы, воспитывался нимфами и потомъ пастъ на Этнѣ коровъ. Онъ родоначальникъ пастушеской поэзіи. По преданію, въ него влюбилась нимфа Наяда и взяла съ него зарокъ, что онъ не приблизится ни къ какой другой женщинѣ, въ противномъ случаѣ угрожая ему слѣпотой. Впослѣдствіи, когда въ него влюбилась Ксенея (см. Идиллію VII), онъ нарушилъ зарокъ и ослѣпъ. Въ настоящей идилліи дѣло представляется такъ, что Дафнисъ хвалился осилить Эроса, и въ наказаніе влюбившись несчастливо, отъ этой любви умеръ. Пѣсня Өирсиса такъ проста и безыскусственна, что многіе думаютъ видѣть въ ней продуктъ народнаго творчества, которымъ воспользовался Теокрытъ.

³⁾ Анапъ и Акидъ — рѣки въ Сициліи.

75. Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
Первымъ съ горы къ нему прибылъ Гермесъ и промолвилъ: „о Даф-
нисъ,

Кто сокрушаетъ тебя? Такъ мучительно любишь кого ты?“

Прибыли также коровъ пастухи и овечьи и козы.

Всѣ вопрошали, чего онъ страдаетъ. Пріапъ появился—

80. Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!—
И ему молвилъ: „чего сокрушаешься, Дафнисъ: вѣдь, дѣва
Бродитъ еще по всѣмъ рощамъ, по всѣмъ родникамъ она хо-
дитъ,—

Ищетъ тебя; ты жъ, несчастный любовникъ, лежишь, потерявшись.

Пастыремъ ты назывался коровъ, а теперь сталъ, какъ козій“.

85. Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
„Козій пастухъ, когда смотритъ, какъ любятъ козы другъ съ
дружкой,

Горемъ крушится безмолвнымъ, что самъ не козломъ уродился.

Такъ же и ты, когда смотришь, какъ дѣвы смѣются, рѣзвятся,

Горемъ крушишься безмолвно, что съ ними не пляшешь ты
вмѣстѣ“.

90. Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
Имъ не промолвилъ ни слова пастухъ, но молча терпѣлъ онъ
Муки любви и терпѣлъ до конца своей горькой судьбины.

Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!

Нѣжная также явилась Киприда съ улыбкой. Издѣвка,

95. Смѣхъ на устахъ ея были, на сердцѣ же злобу таила.

Молвила: „вотъ ты хвалился, о, Дафнисъ, осилить Эротъ?

Что же? Не самъ ли теперь ты поверженъ Эротомъ ужаснымъ?“

Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!

Тутъ не смолчалъ ужъ и Дафнисъ и вымолвилъ: „злая Киприда,

100. Ты ненавистная, ты всѣмъ враждебная смертнымъ Киприда!

Ты уже мнишь, что на вѣки для насъ закатилось солнце?

Но и въ Аидѣ Эроту злой мукою Дафнисъ пребудеть.

Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте

„Къ Идѣ ступай-ка, туда, гдѣ пастырь, какъ слышно, Киприду... ¹⁾

¹⁾ Тутъ не договоренный намекъ на отношеніи Киприды къ Анхизу. Вся эта строфа испорчена и стихи, поставленные въ скобкахъ, вѣроятно, позднѣйшая вставка. Нѣсколько ниже Дафнисъ упрекаетъ Киприду въ малодушіи. Діомедъ, какъ извѣстно изъ 5-й пѣсни Иліады, ранилъ богиню.

105. Ты уходи-ка къ Анхизу: [вѣдь здѣсь лишь кипрей, а тамъ дубы,
Тамъ тебя встрѣтить готовъ Адонисъ, тамъ стада стережетъ онъ,
Тамъ убиваетъ и зайцевъ, и всякаго звѣря гоняетъ.]
Снова, приблизившись, стань предъ лицомъ Діомеда и молви:
Дафниса я пастуха побѣдила. Сразись же со мною!
110. Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
„Волки, шакалы и скрытые въ горныхъ берлогахъ медвѣди!
Дафнисъ пастухъ говоритъ вамъ прости; уже съ вами ни въ чащѣ,
Ни въ дубнякѣ онъ, ни въ рощахъ не будетъ. Прощай, Аретуза ¹⁾!
Рѣки, прощайте, что съ Оимбрида чистую воду струите!
115. Дафнисъ я, тотъ самый Дафнисъ, который коровъ стережетъ здѣсь,
Дафнисъ тотъ самый, который быковъ и коровокъ поитъ здѣсь.“
Пѣснь начинайте, о музы, пастушью вы пѣснь начинайте!
О, Панъ, Панъ! На горахъ ли ты бродишь высокихъ Ликей ²⁾,
Вкругъ ли Менала блуждаешь, явился на островъ Сицилью,
120. Холмъ Гелики могильный оставь, оставь и высокій
Холмъ Ликаонова сына, самими безсмертными чтимый.
Пѣснь прекращайте, о музы, пастушью вы пѣснь прекращайте!
Съ дивной медовой свирѣлю свою явись, о владыка,
Съ воскомъ скрѣпленной свирѣлю, межъ губъ скользящей свободно.
125. Дафниса муки любви ужъ влекутъ меня въ область Аида.
Пѣснь прекращайте, о музы, пастушью вы пѣснь прекращайте!
Пусть теперь тернъ и волчецъ распускаются цвѣтомъ фіалки,
Чудный нарциссъ украшаетъ пускай можжевельника вѣтви,
Пусть перевернется все, на соснѣ пусть рости станутъ груши,
130. Дафнисъ когда умираетъ, и псовъ пусть терзаютъ олени
И съ соловьями пускай, не смутясь, состязаются совы“.
Пѣснь прекращайте, о музы, пастушью вы пѣснь прекращайте!
Такъ онъ сказалъ и замоленуль. Его разбудить Афродита
Тщетно желала. Всѣ волею мойрѣ порвалися нити

¹⁾ Знаменитый источникъ. Оимбридъ, по новѣйшимъ разъясненіямъ, гора въ Сициліи.

²⁾ Ликей точно также, какъ и Меналъ, — горы въ Аркадіи. Около Менала была гробница Гелики, дочери аркадскаго царя Ликаона. Всѣ эти мѣста были любимымъ мѣстопребываніемъ Пана.

135. И отошелъ къ Ахеронту пастухъ; поглотила пучина
Музамъ любезнаго, много любимаго нимфами мужа.

Пѣснь прекращайте, о музы, пастушью вы пѣснь прекра-
щайте!

Ты же давай-ка мнѣ кубокъ съ возою. Ее подоивши,
Да совершу возліянье я музамъ. О, радуйтесь, музы,

140. Много разъ радуйтесь! Я жъ вамъ и впредь буду пѣть еще лучше.

Козій пастухъ.

Да переполнятся медомъ уста твои чудныя, Өирсисъ!
Сотами пусть будутъ полны, пусть ты вкушаешь съ Өгила ¹⁾
Винныя ягоды, ибо поешь ты пріятнѣй цивады.
Вотъ тебѣ кубокъ. Взгляни-ка, мой милый, какъ чудно онъ пах-
нетъ.

145. Горы ²⁾, подумаешь, сами его въ родникѣ обмывали.
Ну, подходи-ка, Киссета ³⁾! Дой ее. Вы же, смотрите,
Юныя козы, не прыгать! Иначе—козелъ на васъ вскочить.

II.

Чародѣйки ⁴⁾.

Гдѣ же лавровыя вѣтви? Неси, Өестилида! Гдѣ зелье?
Чашу кругомъ увѣнчай овечки пурпурною шерстью,
Чтобъ привязать мнѣ къ себѣ вѣроломнаго милаго снова.
Вотъ ужъ двѣнадцатый день, какъ ко мнѣ ни ногой онъ, не-
годный!

5. И не подумалъ узнать даже, живы ли мы или мертвы,
Въ дверь не толкнулся жестокой ни разу. Ужъ вѣрно въ другую
Сторону легкое сердце умчали Эротъ съ Афродитой.

¹⁾ Демъ въ Аттікѣ.

²⁾ Горы, дочери Зевса и Өемиды, богини временъ года.

³⁾ Имя козы.

⁴⁾ *Идиллія II*—драматическая сценка, въ которой одно изъ двухъ дѣйствующихъ лицъ служанка Өестилида безъ рѣчей. Указываютъ, что Өеокритъ подражалъ въ этой идилліи Софрову. Молодая дѣвушка, горожанка Симета, приготовляетъ волшебный напитокъ, чтобы воротить къ себѣ измѣнившаго ей милаго Дельюса, и разказываетъ исторію своей любви. Расивъ говорилъ, что онъ не знаетъ въ европейскихъ литературахъ такого совершеннаго выраженія страсти, какъ въ этой идилліи Өеокрита.